

ской истории за последние 30 лет, он выдвинул ряд обвинений против Екатерины II и “разоблачил” ее дальнейшие политические планы по отношению к соседним государствам и другим странам Европы. В этом сочинении видно много из того, что появится в публицистике времен Директории, но уже в принципиально иной международной обстановке. Выполняя заказ шведского короля, французский автор работал в манере версальской дипломатии: он выдвигал жесткие обвинения против политики Екатерины II и призывал воссоздать в обновленном виде “восточный барьер”, дабы остановить безудержный рост пределов Российской империи.

Количество изданий этой книги на разных языках, на наш взгляд, свидетельствует не только о большом интересе к России и о популярности идей, высказанных автором, но и о целенаправленном распространении сочинения среди европейской читающей публики.

Подводя итог, нужно признать, что идея “русской угрозы”, отчетливо выраженная автором сочинения “Об угрозе политическому балансу...”, постепенно, приобретает в этот период характер политического мифа и его используют в пропагандистских целях. Не будет преувеличением сказать, что исследуемое сочинение являет собой яркий пример публицистики начала революционного периода во Франции.

ПУБЛИКАЦИЯ

ЭМИГРАНТСКИЙ КОРПУС КОНДЕ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

ПИСЬМО ПАВЛА I ПРИНЦУ КОНДЕ

(3 августа 1797 г.)*

ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО
АРХИВА ФРАНЦИИ

На протяжении всего XVIII в., параллельно с ростом влияния России на европейские дела, связи между российскими императорами и королями Франции становились все более тесными. Особенно ярко эта тенденция проявилась, пожалуй, в годы Французской революции. С первых ее дней Екатерина II выказала себя активным защитником королевской власти, на протяжении всей революционной эпохи российские государи поддерживали Бурбонов даже более последовательно, чем их близкие родственники в Австрии и Испании. Семья Людовика XVI пыталась бежать из революционного Парижа, используя паспорт, выданный русским послом¹; Россия последовательно входила во все (кроме пятой, возникшей уже после Тильзитского мира) антифранцузские коалиции; младший брат Людовика XVI граф д'Артуа был с почетом принят в Петербурге; Екатерина II стала единственным из монархов, использовавшим все дипломатические рычаги, чтобы добиться признания европейскими дворами Людовика XVIII королем Франции². Унаследовав престол, Павел I также весьма благосклонно отнесся к просьбам о помощи со стороны Людовика XVIII и его представителей и даже пытался организовать европейских монархов, чтобы те “учредили образ и количество денежной помощи, которую ежегодно надобно будет давать сему несчастному государю, его родственникам и его свите”³. Когда Людовику XVIII пришлось покинуть германские земли, Павел I предоставил ему убежище в Курляндии, в Митаве, куда король и прибыл в марте 1798 г.

* Публикация подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 04-01-00268а.

¹ Хотя, судя по всему, паспорт был выдан без согласования с Петербургом, императрица задним числом одобрила это.

² Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Признание Людовика XVIII: (Взгляд из России) // *Россия и Франция, XVIII–XX вв.* М., 2003. Вып. 5. С. 56–77.

³ Цит. по: *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004. С. 75; *Воронцов – Павлу I.* 18/29 сентября 1797 г. // *Архив внешней политики Российской империи.* (Далее: АВПРИ). Сношения с Англией. 1797. Д. 481. Л. 45. За подробностями взаимоотношений Павла I и Людовика XVIII можно отослать к монографии В.А. Погосяна, проанализировавшего относящиеся к этому сюжету документы, хранящиеся в АВПРИ.

Однако убежище требовалось не только королю Франции, но и сражавшимся с республикой эмигрантам, которым после заключения в октябре 1797 г. мира между Австрией и Францией не было больше места на территории империи. Прежде всего это касалось знаменитого корпуса принца Конде, долгие годы воевавшего против Революции, а затем также воспользовавшегося гостеприимством Павла I. И хотя, на мой взгляд, здесь нет смысла подробно излагать историю этого корпуса, относительно недавно и весьма подробно рассказанную А.А. Васильевым⁴, и до того неоднократно описанную в западной историографии⁵, кажется нелишним напомнить ключевые элементы данного сюжета. А публикуемый документ позволит пролить дополнительный свет на обстоятельства перехода корпуса Конде на русскую службу.

Людовик Жозеф де Бурбон, принц де Конде (1736–1818) в конце 90-х годов XVIII в. был уже не молод. Столь же знатный, сколь и король Франции, поскольку, как и они, являлся потомком Людовика Святого, он с детства был предназначен для блестящей военной и придворной карьеры. Главный распорядитель королевского дома, генерал-полковник пехоты, он завоевал славу на полях Семилетней войны, побывал губернатором Бургундии. Этот образ храброго воина и знатного вельможи впоследствии активно использовала роялистская пропаганда. Так, например, мне довелось некогда встретиться во французском архиве небольшой, в половину листа бумаги, парадный портрет принца Конде, под которым была изображена рука, сжимающая шпагу, увенчанную короной. Ниже напечатано четверостишие:

“Великий в объятиях Победы,
В Несчастье еще более Велик.
Положением в обществе обязанный предкам,
Лишь своей руке он обязан Славой”⁶.

В этих строках есть, несомненно, и напоминание о знаменитом предке Людовика Жозефа – Людовике II де Бурбон, четвертом принце Конде (1621–1686), прозванном Великим.

Во второй половине 1780-х годов Конде имел репутацию либерального принца, однако воспротивился удвоению числа депутатов от третьего сословия в Генеральных штатах и после взятия Бастилии

эмигрировал в Нидерланды, откуда перебрался в Турин, а затем и в германские земли. Вскоре после начала Революции он взялся за организацию армии, которая могла бы отстаивать дело Бурбонов. Изначально в ней, по большей части, служили эмигранты, и там были рады всем, кто готов сражаться за короля. “Армия обычно состоит из солдат примерно одинакового возраста, одного роста и сходной силы, – вспоминал позднее Ф.Р. де Шатобриан. – Наша была совсем иной, беспорядочным объединением людей зрелых, стариков и спустившихся с голубятни детей [...]. Отец служил рядом с сыном, тесть – с зятем, дядя – с племянником, брат – с братом, кузен – с кузеном. В этом ополчении, каким бы смешным оно ни казалось, было нечто трогательное и достойное уважения, поскольку люди руководствовались искренними убеждениями”⁷. Тем не менее к 1797 г. основу корпуса составляли закаленные в боях ветераны, которым Людовик XVIII отводил важную роль в своих планах по восстановлению монархии во Франции. Сохранить эту армию было для короля тем более важно, что он осознавал: немалое число его подданных воспримет помощь европейских держав как интервенцию.

К марту 1797 г. общая численность войск под командованием принца Конде составляла около 13 тыс. человек, хотя многие из них воевали под знаменами с лилиями исключительно за деньги: по большей части, это были немцы и швейцарцы. В начале войн с революционной Францией принцам удавалось финансировать армию из собственных средств, сам Конде пожертвовал на это свои ордена и драгоценности. Впоследствии его войскам пришлось перейти на содержание иностранных держав: Австрии, а затем и Англии⁸, но после выхода из войны в 1795–1797 гг. Пруссии, Испании и Австрии стало очевидно, что корпус, расквартированный на юге Германии, необходимо куда-то эвакуировать и, по крайней мере, в ближайшем будущем, сражаться ему не придется. В теории эмигранты могли надеяться всего на две великие державы, однако Россия до сих пор не отправляла солдат воевать против Франции, а Англия не располагала достаточным количеством сухопутных войск, чтобы их можно было противопоставить французам. Впрочем, и на эти страны роялисты, судя по всему, надеялись лишь в плане финансирования: по письмам Людовика XVIII видно, что в это время он не слишком рассчитывал на то, что Республика падет под натиском иностранных армий. “Уже довольно давно я избавился от мысли, – писал он в августе 1797 г., – что меня восстаноят на троне иностранные державы. Признание Республики Императором Павлом не замедлит и не ускорит паде-

⁴ Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.

⁵ См., напр.: *Bitard des Portes R.* Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits. Paris, 1975; *Grille F.-J.* L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé. Angers, 1840; *Grouvel F.M.L.R.* Corps de troupe de l'émigration française. Vol. 2. L'Armée de Condé. Paris, 1961; *Muret T.* Histoire de l'armée de Condé: 2 vol. P., 1844.

⁶ Archives Nationales. (Далее: А.Н.). 25 AP 1. Doss. 3. Pièce 28.

⁷ *Chateaubriand F.R. de.* Mémoires d'outre-tombe. Paris, 1990. Vol. 1. P. 373–374.

⁸ Васильев А.А. Указ. соч. С. 315 и след.

ния Чудовища, но мне будет досадно, если Россия потеряет невинность”⁹.

Предварительные условия мира между Австрией и Францией были подписаны в апреле 1797 г., и Людовику XVIII сразу же пришлось вести переговоры с венским, сент-джеймским и петербургским дворами о дальнейшей судьбе корпуса Конде. 12 мая 1797 г. король писал Конде из Бланкенбурга, что пытается договориться, чтобы император Священной Римской империи если и не позволил армии эмигрантов пересечь всю Германию, то, по крайней мере, разрешил ей добраться до Триеста, там погрузиться на корабли и отплыть на острова Джерси и Гернси, а если и этот вариант не подойдет, то в Португалию. Король признавал, что перспективы его не радуют, но это все же лучше, чем распускать армию. Одновременно он вступил в переписку с Россией, не возьмет ли царь корпус Конде к себе, если Англия заключит мир¹⁰. А.А. Васильев полагает, что принц Конде вел переговоры с Петербургом параллельно с Людовиком XVIII, и описывает последовавшие события исключительно как соглашение, заключенное между Павлом I и принцем Конде. Судя по всему, это не совсем так: король начал переговоры раньше¹¹, и именно он, как мы увидим в дальнейшем, принимал решение о переходе корпуса под российские знамена.

Основания опасаться, что Англия заключит мир, действительно были: страна устала от войны, расходы на нее многим казались непомерными, и в 1796–1797 гг. посланцы Георга III неоднократно пытались договориться с французами. Этого так и не произошло, однако и корпус Конде оказался англичанам не нужен. Единственное, что они могли ему предложить – это отправиться охранять английские колонии, от чего французы с негодованием отказались¹². В итоге в сентябре 1797 г. англичане прекратили выплату корпусу жалования. Петербургский двор вот уже несколько лет проявлял благосклонное внимание к армии Конде: еще при Екатерине II Россия была не против оказать помощь и его войскам, и самому командующему¹³. Правда, императрица прежде всего выказывала склонность предоставить солдатам Конде возможность создать колонию на территории России, что было для них, естественно, неприемлемо.

⁹ Archives du Ministère des Affaires Étrangères. Mémoires et documents. France. Vol. 607. 1796–1808. F. 264v.

¹⁰ Archives de Condé (Chantilly). (Далее: А.С.). Série Z. T. I. Correspondance avec Louis XVIII. 1791–1797. Doc. 205.

¹¹ Васильев А.А. Указ. соч. С. 316. Автор сам пишет о том, что Конде вступил в переговоры лишь летом 1797 г.

¹² Agay F. de. A European destiny: the Armée de Condé, 1792–1801 // The French émigrés in Europe and the struggle against revolution, 1789–1814 / Ed. by K. Carpenter & H. Mansel. London, 1999. P. 39.

¹³ Французы об этом не забыли; в частности, Людовик XVIII писал на эту тему Конде 24 июля 1797 г., см.: А.С. Série Z. T. I. Doc. 211.

Тем не менее это не мешало добрым отношениям между Екатериной II и принцем Конде. В апреле 1795 г. императрица писала ему: “Я прошу вас [...] быть полностью уверенным, что мои намерения, о которых я уже заявляла, бесповоротны, и что мне будет столь же приятно не обмануть внушенные вам надежды, сколь горестно видеть, что вы были вынуждены воспользоваться ими [данными мною обещаниями], поскольку они совершенно не соответствуют тем взглядам, которые у меня издавна были касательно блага Франции и Вашей Светлости. Но если так будет угодно Провидению, Ваша Светлость может быть уверен, что я постараюсь предложить Вам любое утешение, какое будет в моих силах, и предоставить условия, достойные вашего происхождения, вашей храбрости и остальных добродетелей”¹⁴.

После смерти Екатерины II Павел не отказался от данных матерью обещаний, однако с принцем Конде его связывали и личные отношения. Во время путешествия Павла Петровича по Европе под именем графа Северного, Конде в 1782 г. принимал его в своем замке Шантийи, который так понравился наследнику престола, что тот попросил принца прислать ему альбом с видами поместья и чертежами зданий, что и было сделано два года спустя¹⁵. Многое из увиденного в Шантийи Павел повторил впоследствии в Гатчине. Произвело на него впечатление и то, что тогда как в России мать всячески старалась не подпускать наследника к государственным делам, Конде оказал ему воистину царский прием, едва ли не лучший во всей Европе. Став императором, Павел об этом не забыл. Хотя его письмо, отправленное принцу вскоре после восхождения на престол, 18 января 1797 г.¹⁶, кажется значительно менее теплым, чем послание Екатерины, тем не менее уже 17 июля 1797 г. император предлагал Конде “прибыть к нему”, обещая: “Ваша Светлость найдет здесь достойное его убежище, и Вы можете быть уверены, что мне доставит удовольствие позаботиться о вашем благополучии”¹⁷.

Павел явно стремился оказать французам благодеяние, однако сами они этноснились к идее переселиться на территорию его империи более чем прохладно – как к меньшему из зол. В июле 1797 г. Людовик XVIII в письме Конде выражал надежду, что пребывание армии на территории России долго не продлится¹⁸. Россия представлялась французам странной, далекой, варварской страной; принять

¹⁴ А.Н. 34 AP 8. F. 6–6 v.

¹⁵ Недавно этот уникальный альбом был издан: Album du comte du Nord: Recueil des plans des châteaux, parcs et jardins de Chantilly levé en 1784 / Présenté par J.-P. Babelon. Saint-Rémy-en-l’Eau, 2000.

¹⁶ А.Н. 34 AP 8. F. 7.

¹⁷ Ibid. F. 8.

¹⁸ А.С. Série Z. T. I. Doc. 211.

ее гостеприимство означало признать свое поражение. Вот как писала, например, об этом Людовику XVIII его племянница, дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, незадолго до того освобожденная из Тампля и пребывавшая в то время при венском дворе: “Здесь довольно много французов, практически вся армия Конде. Сегодня я увижу их всех, по крайней мере, тех, кто находится в Вене. Моя душа разрывается от вида этих несчастных людей, которые отправляются в это время года в такую страну, как Россия, и столь сильно удаляются от своей родины, стариков, которых везут на телегах по холоду, а зачем? Чтобы жить в пустыне, поскольку говорят, что страна, в которую они направляются, населена практически лишь казаками. Там они будут одиноки, почти полностью оторваны от новостей о том, что происходит. Я знаю, что означает не ведать о происходящем, когда это особенно интересно. [...] Это и в самом деле лучше, чем умереть от голода; и все же это печальное существование”¹⁹. Пребывание в России действительно оказалось для многих солдат и офицеров Конде безрадостным, а переселение в Россию, которое пришлось на зиму, непомерно тяжелым²⁰.

Существовала и еще одна проблема: поскольку армия Конде состояла не только из французских дворян, но и из наемников, то изначально не было понятно, возьмет ли Павел I на службу весь корпус или постарается от наемников избавиться. “Я надеюсь, – писал Людовик XVIII отправленному им к петербургскому двору графу де Сен-При 31 августа 1797 г., – что Павел I не будет щедр лишь наполовину, и что он позаботится о судьбе тех храбрецов, которые составляют наемные подразделения, в той же мере, в какой он собирается позаботиться о судьбе дворян, с которыми те делили и труды, и опасности, и славу”²¹. Опасения были не напрасны: в итоге Павел I пригласил на русскую службу одних французов, сделав исключение для единственного немецкого полка²².

Следует отметить, что хотя граф де Сен-При²³ (выполнявший дипломатические поручения Людовика XVIII при ряде европейских дворов, включая петербургский) сам приложил немало усилий, чтобы переориентировать своего государя на более тесные связи с русским императором, поскольку изначально король больше рассчитывал на испанских Бурбонов, все же к переговорам о переселении

¹⁹ Цит по: *Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Paris, 1905. Vol. 2. P. 205.*

²⁰ Подробнее см., например: *Diesbach G. de. Histoire de l'émigration, 1789–1814. Paris, 1998. P. 398–400.*

²¹ *Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. Paris, 1845. P. 26.*

²² *Васильев А.А. Указ. соч. С. 320.*

²³ Франсуа Эммануэль Гинар, граф де Сен-При (1735–1821) – при Старом порядке посол в Лиссабоне, Константинополе и Голландии, министр в правительстве Неккера, Эмигрант, член Совета Людовика XVIII.

корпуса Конде в Россию граф относился весьма скептически, сама идея скорее отталкивала его, нежели привлекала. Вот как он писал об этом в своих мемуарах: “В Петербурге я встретил барона де Ла Рошфуко²⁴, которого г-н принц Конде отправил туда, чтобы договориться о переходе корпуса Конде на службу императора Павла. Барон никого не знал в России, он не особенно представлял себе, как за это взяться, и прибегнул к моей помощи, чтобы начать переговоры. Я написал князю Безбородко²⁵; к моему великому удивлению дело стало продвигаться, практически не встречая затруднений. Тем не менее, расходы на него были сколь значительны, столь и бесполезны. Однако Павел не скупился, когда речь шла об удовлетворении его прихотей. Поскольку он был переполнен воспоминаниями о нашей истории, ему льстило, что у него на службе будет потомком победителя при Рокруа²⁶. У него просил убежища один из Бурбонов; в этом было нечто возвышенное, что льстило его самолюбию и полностью соответствовало его рыцарственным устремлениям”²⁷. Впоследствии, когда по приглашению императора Конде оставит армию и прибудет в Петербург (честь, в которой, замечу, Людовику XVIII так и было отказано), Павел I оплатит ему добром за добро: он пожалует принцу один из петербургских дворцов, загородный дом, подарит 20 тыс. рублей и назначит ежегодную ренту для него самого и его семьи в 70 тыс. рублей. По воспоминаниям современников, Конде казалось, что всего этого мало, и он просил не забывать, что русские имеют дело с Бурбоном²⁸. (Однако сам Людовик XVIII получал от царя ежегодно 200 тыс. рублей, а после воцарения Александра I и вовсе сначала 75, а затем и 55 тыс.)²⁹.

Что же до подчинявшихся принцу войск, то окончательное решение об их переходе на русскую службу было принято Людовиком XVIII в середине сентября 1797 г.³⁰ Изложенные Павлом I в публикуемом письме условия были жесткими, но – следует отдать должное императору – предварительными и максимально ясными. Послание написано в довольно холодном тоне, видно в нем и определенное недоверие к принцу: пообещав сохранить за французскими офицерами их звания, император подстраховывался и подчеркивал,

²⁴ Ларошфуко-Байер (La Rochefoucauld-Bayers) Жан, барон де (1757–1834).

²⁵ Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – с 1780-х годов фактический руководитель российской внешней политики, в 1797 г. назначен Павлом I канцлером и получил титул светлейшего князя Священной Римской империи.

²⁶ Великий Конде в 22 года получил под свое командование Северную армию, сражавшуюся с испанцами, над которыми одержал в 1643 г. блистательную победу при Рокруа.

²⁷ *Saint-Priest F.E.G., comte de. Mémoires: La Révolution et l'émigration. Paris, 1929. P. 174.*

²⁸ *Daudet E. Op. cit. P. 213.*

²⁹ *Mansel Ph. Louis XVIII. Guildfort, 1999. P. 83.*

³⁰ *Людовик XVIII – Конде. 17 сентября 1797 г. // А.С. Série Z. T. I. Doc. 215.*

что это коснется только тех, кто получил звание до принятия им соответствующего решения. Однако едва ли можно полагать, как считает Ф. д'Агэй, что "огромным сюрпризом для эмигрантов оказалась организация армии в соответствии с русскими порядками", а изначально предложение Павла I "предполагало значительную степень автономности"³¹.

Другое дело, что императору было лестно выступать в качестве благодетеля и Людовика XVIII, и войск Конде, "доставляя им, – как писал Павел I в августе 1797 г., – в Империи Нашей безопасное пристанище и по возможности выгодное пристроение"³², а в конечном счете французы, даже зная, что лучшего ожидать не приходилось, остались недовольны. Людовик XVIII ощущал себя пленником и тяготился тем, что вынужден согласовывать свои политические решения с петербургским двором, Конде полагал, что заслуживает большего, его офицеры были неудовлетворены условиями жизни, перлюстрацией писем на родину и тяготами русской службы. Дальнейшая история корпуса оказалась печальной: использовав его в боях с французами во второй половине 1799 г., Павел I вернул армию Конде англичанам, а вскоре после Люневильского мира между Австрией и Францией, в июне 1801 г., она была распущена. Принц Конде нашел прибежище в Англии, а немногим раньше, в январе того же года, был вынужден покинуть Митаву и переехать в Варшаву сам Людовик XVIII.

Письмо Павла I принцу Конде об условиях принятия его армии на русскую службу в моем переводе публикуется по оригиналу, хранящемуся в Национальном архиве Франции.

Д.Ю. Бовыкин

Письмо Павла I принцу Конде, 3 августа 1797 г.

Господин кузен мой! Барон де Ла Рошфуко прибыл ко мне с письмом Вашей Светлости в тот момент, когда я ожидал послания, которое мой тайный советник Алопеус³³ должен был мне отправить, как только условился бы с Вами о способе передвижения Армии, находящейся под вашим командованием, и как только он урегулировал бы все вопросы, которые я ему поручил. Содержание письма Вашей Светлости и обзор положения, в котором находитесь Вы сами и ваша Армия, заставляют меня, учитывая то участие, которое я принимаю во всем, что Вас касается, не откладывать этот

³¹ Agay F. *de. Op. cit.* P. 39.

³² Павел I – Панину. 14 августа 1797 г. // АВПРИ. Сношения с Пруссией. 1797. Д. 503. Л. 23. Цит. по: *Подгост В.А.* Указ. соч. С. 74.

³³ Алопеус Максим Максимович (1748–1822) – российский дипломат, долгие годы был послом в германских землях.

поход. Упомянутый выше г-н Алопеус, получив мои самые благоприятные распоряжения одновременно с достаточным финансированием, обсудит с Вашей Светлостью детали в соответствии с инструкциями, которые Я Ему отправляю и которые главным образом сводятся к следующим пунктам:

1) составляющие армию войска сохраняют свою нынешнюю организацию до тех пор, пока не прибдут на предназначенные им Квартирры, и тогда они будут переформированы в Подразделения Пехоты и Кавалерии в соответствии с моими указами, применяющимися в моей армии, однако каждый, тем не менее, сохранит без потерь свое жалованье в соответствии с тем, что имеет сейчас у Вас;

2) все, составляющие ныне вашу Армию, поступят на мою службу в тех же званиях, которые они имеют на первое августа сего года, и ваши войска сформируют отдельный корпус за пределами общего состава моей армии;

3) перемещение вашей Армии и время, которое на него потребуется, зависят от местных условий, и Вашей Светлости предлагается этим заняться; я надеюсь, что Вы также примете во внимание свою Артиллерию, в соответствии с тем, что Вам было предложено на сей счет от моего имени;

4) уменьшение количества экипажей всех видов по-прежнему остается тем предметом, который заслуживает особого внимания, чтобы не обременять себя откровенно бесполезным;

5) офицеры, составляющие вашу Армию, могут оставить мою службу и попросить отставки по собственному желанию в те периоды, которые предписываются моим Воинским уставом, и те, кто оставит службу, будут вольны также покинуть мою страну или обосноваться на той территории, которая ранее была выделена колонистам³⁴;

6) ваши войска должны будут подчиняться на территории моей страны той же дисциплине и служить так же, как мои собственные, без единого исключения; в конечном счете г-ну Алопеусу поручено среди прочего сообщить Вашей Светлости, что для меня невозможно терпеть на своей службе войска, которые носят форму, отличную от формы моих войск, любую кокарду, не такую, как в моей армии, и любые символы на знаменах, отличные от символики моей Империи. Я льщу себя надеждой, что Вы будете мне признательны за откровенность, с которой Я выражаю свои мысли предварительно с тем, чтобы избежать впоследствии любого недопонимания; именно на этих условиях и с учетом других предметов, по которым Вам выскажется г-н Алопеус, Я не только с большой охотой предоставлю

³⁴ Здесь виден, как мне кажется, отзвук изначальных планов Екатерины II (к которым Павел впоследствии также вернулся, хотя и столь же неудачно) создать из французских эмигрантов отдельные поселения и превратить их в обычных колонистов.

убежище войскам, составляющим вашу Армию, но и приму ее на свою службу. Касательно же лично Вашей Светлости, Я отсылаю к письму, которое я написал Вам 17 июля сего года, коим Я пригласил Вас прибыть ко мне, и повторяя сегодня это приглашение, которое распространяется и на всех Ваших близких. Я прошу принять заверения в моем глубоком уважении.

Господин Кузен мой.
Вашей светлости
крайне преданный Кузен

Павел
Павловск,
3 августа 1797

в данном письме Я не затрагивал пункт о принесении войсками присяги, будучи полностью уверен, что Ваша Светлость сами почувствуете, что Мне не подобает иметь при себе и на своей службе войска, не принесшие Мне общепринятую присягу.

Ut in litteris*
П.

Archives Nationales. 34 AP 8. Correspondances des princes de Condé pendant l'emigration déposées aux Archives par le baron de Surval³⁵. F. 9-10v. Павел I – Конде, 3 августа 1797 г. Подлинник, фр. яз.

ДМИТРИЙ БЛУДОВ И ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ

М.В. Калашиников

28 апреля 1812 г. чиновник Министерства иностранных дел и все еще подающий надежды литератор Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) женился на княжне Анне Андреевне Щербатовой (1777–1848). Г. Ржевский по этому поводу написал стихотворение “Новобрачным Д... Н... и А... А... Б...”:

Все ожидания счастливые свершились,
И Лель вчера вручил вас Гименею сам;
Тем более приятно нам,
Что знаем, сколько вы в любви своей томились! –
Брак цепью тяжкою свет ныне признает,
Приятна и легка, вам будет равномерно,
Амур. – для вас ее цветами обовьет,
А добродетель цепь – поддержит ту наверно¹.

Уладив дела по семейной части, Блудов, находившийся в некоторой неопределенности по части служебной, обратился к министру иностранных дел Н.П. Румянцеву с письмом, в котором “предлагал себя в его распоряжение”².

Еще в конце марта 1812 г. был подписан русско-шведский союзный договор, положивший начало новой антинаполеоновской коалиции. В Стокгольм “по особому поручению” был отправлен генерал русской армии граф П.К. Сухтелен, однако формально он не был назначен послом³. С.И. Тургенев, по пути из Германии в Россию находившийся в Стокгольме с 13 октября по 5 ноября 1812 г., 17 октября записал в дневнике: “Сухтелен не министр, и только здесь по военной экспедиции, и по посольству здесь один Лангель (секретарь посольства. – М.К.)”⁴.

¹ Новые басни и разные стихотворения Григорья Ржевского. СПб., 1827. С. 60. В экземпляре книги, хранящейся в РНБ, в названии стихотворения карандашом дописано: Б(лудовым).

² Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 82–83.

³ Сапожников А.И. Российский генерал “голландской нации”: граф П.К. Сухтелен // Клио. 2000. № 3 (12). С. 201.

⁴ Тургенев С.И. Дневник: (Рукописная копия, снятая Надеждой Николаевной Платоновой) // ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Ед. хр. 5710. Л. 287, 331.

* Как в письме (*лат.*). Ставится взамен повторения формул вежливости, находящихся после основного текста.

³⁵ Барон де Сюрваль, душеприказчик принца Конде, передал этот корпус документов Наполеону III, который и поместил их в Императорский архив.